

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И ЯЗЫКОВАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ

О.Ю. Смыслова, А.А. Линченко, Д.В. Лакомова

Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ (Липецк, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
20 августа 2020 г.

Дата принятия в печать
6 октября 2020 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Аннотация. Целью статьи является классификация и анализ экономических рисков языковой политики в России, а также анализ представлений молодежи о месте и роли русского языка в экономическом развитии России. Системный характер данных рисков, а также постфундаменталистская интерпретация политической философии позволили классифицировать внешние и внутренние риски языковой политики, а также говорить о внутренних рисках языковой политики не только в аспекте государственной политики (уровень *policy*), но и в аспекте общественной активности и инициативы (уровень *political*). Было выявлено, что ключевой проблемой управления внешними рисками является недостаточная определенность функциональной роли русского языка. Ключевой проблемой управления внутренними рисками является смена акцента языковой политики с консервации языковой ситуации на увеличение экономического благосостояния человека, снижение языковых барьеров как экономических барьеров. Фундаментальная проблема российской языковой политики лежит в абсолютизации роли государства и его политики и недостаточном внимании к негосударственным акторам, общественным организациям, сообществам и социальным группам как субъектам языковой политики. Отражением общей противоречивости современной российской языковой политики являются состояние и особенности языковой культуры молодежи, исследование которой было предпринято нами в аспекте отношения и интерпретации молодежью иностранной экономической лексики в русском языке. С одной стороны, было выявлено, что российская молодежь демонстрирует положительное отношение к возможности поиска и внедрения русских эквивалентов иностранных экономических терминов и понятий, а с другой стороны, исследование зафиксировало рост скептического отношения к этому по мере взросления молодых людей и включения их в трудовую деятельность и бизнес. Вместе с тем было выявлено важное значение образовательной сферы и средств массовой информации как медиумов трансформации языковой культуры и инструментов языковой политики.

Ключевые слова

Язык, государственная языковая политика, экономика, общество, языковая культура, риски, молодежь

Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету ВТК–ГЗ–ПИ–44–20 «Совершенствование государственной языковой политики как институциональной основы экономической политики Российской Федерации».

ECONOMIC RISKS OF LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE CULTURE OF YOUTH IN RUSSIA

O.Yu. Smyslova, A.A. Linchenko, D.V. Lakomova

Lipetsk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russia)

Article info

Received
August 20, 2020

Accepted
October 6, 2020

Type paper

Research paper

Abstract. The purpose of the article was to classify and analyze the economic risks of language policy in Russia in the context of the peculiarities of the language culture of young people, as well as their ideas about the place and role of the Russian language in the economic development of Russia. The systemic nature of these risks, as well as the post-fundamentalist interpretation of political philosophy, allowed us to single out and classify the external and internal risks of language policy, as well as talk about the internal risks of language policy not only in the aspect of public policy (policy level), but also in the aspect of public activity and initiative (political level). It was revealed that the key problem of external risk management is the lack of certainty of the functional role of the Russian language. The key problem of managing internal risks is to change the emphasis of language policy from preserving the language situation to increasing human economic well-being, reducing language barriers as economic barriers. The fundamental problem of Russian language policy lies in the absolutization of the role of the state and its policy and insufficient attention to non-state actors, public organizations, communities and social groups as subjects of language policy. A reflection of the general inconsistency of modern Russian language policy is the state and peculiarities of the economic consciousness of young people, the study of which was undertaken by us in the

Keywords

Language, state language policy, economy, society, language culture, risks, youth

aspect of the attitude and interpretation of foreign economic vocabulary by young people in Russian. It was found that, on the one hand, Russian youth demonstrates a positive attitude towards the possibility of finding and implementing Russian equivalents of foreign economic terms and concepts, and on the other hand, the study recorded an increase in skepticism towards this as young people grow up and are included in work and business. At the same time, it was revealed the importance of the educational sphere and the media as mediums for the transformation of language culture and tools of language policy.

Acknowledgements. The article embodies the research outcome carried out in line with the Financial University's 2020 state assignment subsidized by the budgetary funds VTK-GZ-PI-44-20 "Improving the state language policy as an institutional basis for the economic policy of the Russian Federation".

1. Постановка проблемы и обзор литературы. Интерес к языку как многоаспектному социально-историческому феномену в настоящее время продолжает расти. Как показывают недавние исследования и общественная практика, связано это не только с общеизвестными функциями, которые он выполняет (средство коммуникации, выражение чувств и мыслей, получение знаний, передача культурных традиций, инструмент управления и т. д.). Язык как индикатор сложнейших процессов взаимодействия самых разных уровней сообществ, начиная макроуровнем международной и государственной политики в области языка и заканчивая микроуровнем носителей языка, присутствует во всех сферах деятельности общества и может рассматриваться в качестве одного из ключевых звеньев государственной политики.

Необходимо отметить тот факт, что проводимые в последнее время исследования в области языковой политики, ее специфики развития и влияния на нее различных процессов в обществе носят междисциплинарный характер. Так, политологи Н.М. Мухарямов, О.Б. Януш и Г.З. Шакурова высказывают идею рассмотрения языковой политики как дискурсивного процесса национального и регионального уровней, соединяющего в себе два тематических ракурса изучения языковой политики и политики языка. Их исследования показывают, что оба названных сегмента исследовательского пространства «...демонстрируют эвристический потенциал на направлениях междисциплинарной (или интер- и трансдисциплинарности) интеграции» [1, с. 57].

Академик В.А. Тишков, проводя ревизию категорий и практик языковой ситуации и языковой политики в России, делает акцент на взаимосвязи понятий «язык» и «этничность», «язык» и «политика» и обосновывает отсутствие жесткой связи между ними, ставя вопрос обеспечения прав языковых сообществ, под-

держки языков как самостоятельных ценностей в культуре человеческих коммуникаций. В его понимании сам термин «родной язык» является дискуссионным в современном полиэтническом государстве и обществе [2].

Другой ракурс исследований представлен в работах В.М. Алпатова [3], Е.О. Хабенской [4], Л.И. Кондратенко и Х.Н. Насрокина [5], Д.В. Кадочникова [6], Н.В. Юдиной [7] и др., которые рассматривают языковую политику в неразрывной взаимосвязи с социально-экономическим развитием страны и обеспечением благосостояния граждан. Так, по мнению Н.В. Юдиной и Е.А. Кузнецовой, языковую политику государства следует рассматривать как спектр различных идеологических принципов государственного регулирования, а также совокупность практических мероприятий, имеющей своей основной целью разрешение языковых проблем в государстве и социуме [7]. Соглашаясь с данной точкой зрения, тем не менее полагаем, что языковая политика предполагает не только официальную политику (*policy*), но и общественные инициативы, идущие «снизу» (*politics*). Подобная постфундаменталистская интерпретация политической философии лишь в последние годы стала появляться в отечественных публикациях о языковой политике и уже нашла отражение в исследованиях С.В. Соколовского, который, говоря о необходимости мультисубъектного подхода, подчеркивает: «Отдельным "героем" в таком рассмотрении сферы языковой политики может стать ее материальная составляющая – громоздкая инфраструктура, обеспечивающая условия успешного обучения языкам (словари, учебники, демонстрационные материалы, компьютеры, лингафонные кабинеты и проч.) и материальное же измерение ситуаций общения – то, что Джон Остин некогда удачно назвал *felicity conditions* (подходящие условия) конкретных речевых актов» [8, с. 6].

Критически оценивая существующие нормативные правовые акты Российской Федерации, определяющие языковую политику, Д.В. Кадочников указывает на то, что предметом языковой политики в России является не столько сохранение русского языка («консервация языковой ситуации») и расширение его влияния в мире, сколько место и роль языковой политики в обеспечении благосостояния граждан и общества в России в целом [6]. Принимая во внимание его позицию, подчеркнем, что при такой постановке вопроса конечной целью языковой политики (как и любой сферы политической жизни общества) действительно выступает обеспечение благосостояния граждан общества в целом посредством удовлетворения материальных и нематериальных потребностей, всесторонней реализации человеческого потенциала через обеспечение многомерного языкового пространства и устранение языковых барьеров, препятствующих эффективному взаимодействию людей, групп, организаций, государственных и муниципальных органов. Именно это «расширительное» понимание целей и задач языковой политики мы будем использовать в нашей статье для анализа существующих перед современной российской языковой политикой рисков. На необходимость «расширительного» подхода к языковой политике настаивают многие отечественные исследователи, памятуя о культурных, социальных, психологических, внешнеполитических аспектах и последствиях реализации языковой политики [2; 3; 8]. При этом особое значение в последние годы стало придаваться экономическому аспекту, экономической оценке языковой политики [6; 7; 9; 10]. В этой связи непосредственной целью нашей статьи будет являться классификация и анализ экономических рисков языковой политики в России, а также анализ представлений молодежи о месте и роли русского языка в экономическом развитии России. Обращение к языковой культуре молодежи связано с решающим значением данной социальной группы в дальнейшем развитии как экономики страны, так и культуры русского экономического языка. Гипотеза нашего исследования состоит в том, что системный характер рисков языковой политики в России актуализирует не только уровень государственной политики (уровень *policy*), но общественную активность и инициативу (уровень *political*). В этой связи показательна по-

зиция молодежи и особенности ее языковой культуры, которая отражает общую противоречивость современной российской языковой политики и репрезентирует возможности молодежи как субъекта языковой политики.

2. Риски языковой политики как институциональной основы экономической политики в Российской Федерации. Не будет преувеличением утверждать, что одним из критериев эффективности языковой политики, равно как и любого другого вида политики, является качество управления рисками. И здесь приходится признать, что языковая политика в современной России содержит в себе целый ряд противоречий, ключевое из которых состоит в известной сложности сочетания потребности в дальнейшем экономическом развитии России, связанном с глобализационными процессами, а с другой стороны – доминировании в официальном и общественном дискурсе представлений о языковой политике как политике, направленной на сохранение и защиту русского языка. Противоречивость в данном случае связана с тем, что глобализация, реализуемая сегодня, осуществляется в рамках доминирования прежде всего английского языка, открывающего его носителям доступ к информационным, финансовым, трудовым и прочим ресурсам. Это актуализирует развитие и применение экономического английского языка и соответствующей терминологии как в образовательной среде, так и в бизнес-среде, а также в управлении [11]. С другой стороны, заявленная цель официальной языковой политики заявлена как «защита и сохранение» русского языка, что на первый взгляд не вызывает возражений, однако, как уже было сказано, превращает язык в «самоцель» [12] и, главное, требует согласования с нарастающими потребностями экономической жизни общества в английском языке. Как видится, подобное противоречие может свидетельствовать о неверно сформулированной проблеме. Вопрос, соответственно, состоит не только в смене целей языковой политики, но и в уточнении функциональных ролей языка как таковых. В одной из своих публикаций Д.В. Кадочников отмечает: «Чем четче и конкретнее определен целевой набор функциональных ролей языка, тем проще оценить целесообразность государственного вмешательства и выбрать эффективные меры такого вмешательства» [6, с. 102].

Исследования языковой среды в России последних лет показывают, что языковая культура нашей страны подвергается существенной трансформации под воздействием внешнеэкономических факторов и тенденций. Подтверждением этого выступает активное внедрение в языковом общении языковых неологизмов, новообразований, иностранных (в основном англоязычных) заимствований и элементов внелитературной речи, использование которых определенным образом (как положительно, так и негативно) сказывается не только на языковом поведении людей и формировании языковой личности, но и способствует трансформации системы экономических ценностей общества и, как следствие, всё это естественно находит отражение в языке.

В современном мире глобализация «с английским лицом» перешагнула границы многих государств и оказывает сильное диффузное воздействие на функционирование государственных языков. И это не только и не столько иноязычная лексика, сопровождающая внедрение новых бизнес-моделей управления компаниями, развитие финансовых и экономических операций и процессов, а также компьютерных, цифровых и техногенных новшеств. В этой области, как известно, создаются словари, издаются всевозможные справочники и пособия, в которых упорядочиваются и дефинируются заимствованные языковые единицы, даются рекомендации по их употреблению, разрабатываются специальные образовательные программы и курсы повышения квалификации для адаптации и быстрой перестройки специалистов под требования конкурентной среды.

В связи с этим всю совокупность рисков, стоящих перед российской языковой политикой, мы изначально могли бы классифицировать по источнику их происхождения, выделяя среди них внешние и внутренние. Говоря подробнее о внутренних рисках, мы также могли бы выделить риски, стоящие непосредственно перед государством, а также риски, стоящие перед обществом. Подобная классификация, на наш взгляд, представляется оправданной в свете различия *policy* и *politics*, описанного выше. При этом, говоря об экономических рисках языковой политики, следует подчеркнуть, что они вряд ли в полной мере могут быть отделены от политических, геополитических, социальных, образовательных и культурных рисков.

Ключевое значение среди внешних рисков языковой политики России, вне всяких сомнений, имеет сохраняющаяся глобальная гегемония английского языка, что изначально задает параметры оценки эффективности как личного карьерного роста, так и деятельности компаний. Казалось бы, наиболее адекватной реакцией является повышение требований к знанию английского языка в управленческой, образовательной и бизнес-среде. Однако подобная ситуация ставит под вопрос «сохранение» русского языка, а также расширение его культурного и экономического значения за рубежом. И здесь вопрос как раз состоит в определении и детализации функциональной роли русского языка в современном мире. Если в советское время в этот набор функциональных ролей, актуализировавших знание русского языка, входило политическое влияние СССР в мире, прежде всего среди его сателлитов, привлекательность идеи коммунизма, достижения советской науки и техники, культура дореволюционной России и СССР, то на данный момент по крайней мере первые две позиции перестали быть актуальными, а третья – вызывает большое количество вопросов. Таким образом, ситуация требует дальнейшей проработки именно на уровне официальной языковой политики.

Рискогенный характер несут и проблемы интеграции русского языка в глобальное медийное пространство, где языковая политика испытывает существенное влияние геополитического и международного противостояния. В данном случае образ русского языка за рубежом практически неотделим от образов России, ее политики, культуры, истории. Российские исследователи говорят как минимум о трех основных составляющих, которые могли бы выступить основаниями для управления данным риском: популяризация русского языка за рубежом, организация и поддержка переводов текстов разных жанров с русского языка и других языков России на иностранные языки и наоборот, поощрение российских акторов к созданию текстов на иностранных языках и тем самым позиционирование российской культуры, науки и общественной жизни [6]. Также отмечается, что «прогресс в каждой из этих сфер способствует развитию российской культуры, науки, экономики и других аспектов жизни общества. Но для того, чтобы эти три направления политики... не конкурировали друг с другом, а взаимно дополняли друг друга,

необходим комплексный подход, основанный на осознании их взаимосвязи и многообразия эффектов» [6, с. 104].

Переходя к описанию внутренних рисков языковой политики, следует начать с рисков, стоящих перед государством, поскольку, по крайней мере в российских условиях, официальная позиция государства в отношении языковой ситуации является доминирующей. Значимым риском дальнейшей реализации языковой политики России, включая ее экономические эффекты, является несовершенство нормативно-правовой базы. В связи с тем, что данный вопрос уже неоднократно поднимался в исследованиях [6; 9; 10], обозначим лишь общие моменты. Во-первых, одной из важнейших проблем, стоящих перед официальной языковой политикой России, является сохраняющаяся неопределенность самих ее целей и задач, которые в целом ориентированы на простое сохранение языковой ситуации и/или корпуса языков народов России [6]. Во-вторых, не меньше вопросов вызывает сама практика реализации федерального законодательства в интересующей нас области. В частности, в ст. 68 Конституции РФ, а также ст. 1 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ (ред. от 5 мая 2014 г.) «О государственном языке Российской Федерации» указано, что русский язык рассматривается в качестве государственного языка России на всей ее территории. Вместе с тем в данных нормативных документах отмечается, что республики в составе Российской Федерации имеют право устанавливать свои государственные языки наряду с русским языком. По мысли Ю.Е. Моревой, «конфликтность этих положений проявляется на стадии их реализации. Дело в том, что право республик устанавливать свои государственные языки не означает автоматически права национальных меньшинств на государственный статус их языков. Это может трактоваться как нарушение языковых прав меньшинств и приводить к конфликту. К тому же, конфликтной является сама сложная процедура установления нового государственного языка Республики (через референдум)» [9, с. 160]. В-третьих, сама языковая политика слабо увязана с экономической политикой, ее целями и задачами. В данный момент эти направления политики сложно назвать даже относительно скоординированными [6; 10]. Среди других рисков, стоящих перед государственной языковой по-

литикой, можно было бы назвать саму специфику объекта управления – языковой ситуацией многонационального и многоязычного общества в России, что делает вариант российского языкового федерализма существенно иным в сравнении с испанской, швейцарской, канадской или индийской моделями. С.В. Соколовский подчеркивает: «Реализация языковой политики в условиях многоязычной страны отличается особой сложностью. В России из-за исключительного для европейских государств многоязычия российского населения и мозаичности расселения носителей языков она возрастает настолько, что делает практически невозможной оценку языковой ситуации на уровне страны в целом: в российском контексте уместнее было бы говорить не о “ситуации”, а о “ситуациях”» [10, с. 48].

Важное значение для экономического эффекта языковой политики имеет качество образовательных практик и инфраструктуры. Существенной проблемой в данном случае является как качество преподавания иностранных языков в России, так и ориентация образовательной среды исключительно на английский язык [6]. В первом случае рискованным фактором оказываются языковые барьеры, возникающие вследствие недостаточного иноязычного образования, а во втором случае игнорируется огромное значение торгово-экономических отношений России со странами БРИКС, а также с немецко-, франко- и испаноговорящими странами. Соответственно, экономические риски в первом случае оказываются связаны с ограничением доступа российских граждан и компаний на международный рынок, со снижением конкурентных преимуществ российских специалистов и их услуг в мировой экономике, а во втором – с недостатком специалистов, владеющих иностранными языками кроме английского. Еще одним рискованным фактором оказывается слабая взаимосвязь составляющих языковой политики в России. Характерно, что именно на этот фактор не так давно было обращено внимание Правительства и Президента РФ. Последний в начале марта 2020 г. дал Правительству поручение создать комиссию по русскому языку, задачами которой должны были стать «функции проведения экспертизы грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Рос-

сийской Федерации, а также правил русской орфографии и пунктуации»¹. Значимым нововведением стала необходимость утверждения Правительством РФ норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка РФ, утверждение государственной программы Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом», актуализация нормативных правовых актов Российской Федерации, направленных на поддержку и продвижение русского языка за рубежом, поддержку образования на русском языке за рубежом, разработка государственной информационной системы (цифровой платформы) «Национальный словарный фонд». Речь также шла о новой концепции языковой политики России, разработке и реализации программы сохранения и возрождения языков коренных народов России, финансово-экономической и информационно-технической поддержке коммеморациям А.С. Пушкина и его материального и духовного наследия. Также было решено разработать и утвердить «требования к составлению словарей, содержащих нормы современного русского литературного языка, соблюдение которых требуется при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, а также утвердить такие словари, включая толковый словарь государственного языка Российской Федерации»². В этой связи, обозначая контуры предполагаемых мероприятий, премьер-министр Михаил Мишустин подчеркнул: «Наша задача – сохранить и обеспечить развитие русского языка в России и в мире. Для этого необходимо сформировать целостную языковую политику»³.

Переходя к описанию группы внутренних рисков, значимых для общества, следует отметить сами языковые конфликты, периодически возникающие на территории Российской Федерации, особенно в республиках. Несмотря на значительное время, прошедшее с момента распада СССР и формирования новой федеративной структуры, в целом ряде республик Российской Федерации продолжают воспроизводиться языковые конфликты, унаследованные из 1990-х гг. Применительно к данному периоду отмечалось, что «в России в 1980–1990-х гг. мобилизация национальных политических и научных элит по поводу поддержки и развития национальных языков, придания им статуса государственных, развивалась на фоне игнори-

рования объективных уровней развития конкретных языков в их функциональном отношении. Резкая политизация всей области языкового строительства, характерная для этого периода, привела в ряде регионов к ошибкам в оценке развитости отдельных функциональных сфер “титульных языков”, что повлекло за собой неэффективность местной языковой политики в сфере образования и стало причиной языковых конфликтов. Рекомендации лингвистов о постепенности внедрения новых государственных языков не были учтены» [10, с. 49]. Применительно к современной ситуации необходимо говорить скорее о том, что воспроизводящиеся языковые конфликты присутствуют в менее остром режиме протекания, когда неурегулированным продолжает оставаться вопрос баланса в распределении социальных функций между русским и другими государственными языками в республиках. Экономический эффект в данном случае состоит в дезорганизации социально-экономических отношений в республиках, усложнении торговой и экономической деятельности бизнеса.

Еще одним риском для общества является наличие языковых барьеров в доступе российских граждан и организаций к рынкам благ и услуг. В данном случае мы полностью солидаризуемся с идеей Д.В. Кадочникова о том, что языковые навыки выступают активом и элементом человеческого капитала. Он приводит результаты анализа ряда эмпирических исследований, указывающих на связь между языком и масштабом доступных его носителям рынков как на микро-, так и на макроуровне. В таком случае «языковые барьеры можно рассматривать как частный случай рыночных... Языковые барьеры препятствуют полностью или частично получению и/или передаче информации и, как следствие, реализации субъектами тех или иных намерений в ходе взаимодействия» [12, с. 133].

Отмеченное выше заставляет нас упомянуть об еще одном значимом риске, который связан не только с наличием языковых барьеров, сколько с противоречивой ситуацией в самой языковой культуре современного российского общества. По мнению авторитетных отечественных исследователей, изучающих миграционные процессы (А.В. Дмитриев, В.И. Мукомель, В.С. Малахов, В.И. Дятлов, Н.В. Мкртчян, О.И. Вендина, Ю.Ф. Флоринская, Е.А. Варшавер и др.), Россия давно уже де-факто является

иммиграционной страной. В связи с этим российскому обществу приходится решать не только проблемы, связанные с собственным государственным языком, но и учитывать динамику языкового пространства в России, порождаемого увеличением притока мигрантов из Китая и Средней Азии. В большинстве своем они либо очень плохо, либо совсем не владеют русским языком, что создает известные риски как в экономике, так и в социокультурной сфере, является источником сохранения коррупции и незаконных форм эксплуатации труда мигрантов [13; 14].

Не удивительно, что реакцией на проанализированную нами совокупность внешних и внутренних рисков стала ситуация, которую отечественные исследователи описывают как «увеличение количества специальных единиц (терминов), обслуживающих область того, что традиционно принято называть языковой политикой, а также появление терминов, обозначающих понятия, которые возникли на стыке нескольких дисциплин и отражают возрастающий интерес общества к проблемам языкового регулирования» [15, с. 37]. В ситуации роста общественного интереса к проблеме возникает отдельный вопрос о той языковой культуре общества, которая может служить средой для трансформации языковой политики, преобразованию ее в важный драйвер экономической политики. Понятие «языковая культура» входит в терминологическое пространство социолингвистики наряду с понятиями «языковая ситуация», «культура языка», «языковая практика», «языковое строительство». Отечественные исследователи также отмечают, что логическое содержание и объем понятия «языковая культура» пересекается с такими понятиями, как «речевая культура» и «культура речи» [16]. При этом речевая культура понимается шире, чем культура речи. Если первую интерпретируют как «составную часть культуры народа, связанную с использованием языка» [17, с. 413], то под второй понимают только «владение нормами литературного языка в его устной и письменной форме, при котором осуществляется выбор и организация языковых средств, позволяющих в определенной ситуации общения и при соблюдении этики общения обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных целей» [17, с. 204]. Еще более широкий логический объем демонстрирует понятие «языковая культура», которую

определяют, как «вид культуры, занимающий особое место в ее системе, обуславливающий и регулирующий бытие человека в языковой среде» [16, с. 100]. Данное определение указывает не только на когнитивный и ценностный аспекты, но и на практический контекст использования языка.

И здесь из всех социальных и возрастных групп наиболее интересна молодежь, которой еще только предстоит адаптироваться к быстро изменяющимся условиям языковой ситуации в России и в мире. Применительно к нашей работе речь идет об языковой культуре молодежи, экономических знаниях, ценностях и моделях поведения, воплощенных в языке и речевых практиках (языковая культура молодежи). В этой статье мы хотели бы представить вниманию читателя ряд выводов нашего всероссийского исследования школьной и студенческой молодежи, связанных с отношением респондентов к иностранным заимствованиям в области экономической лексики, а также уровнем понимания и интерпретации базовых понятий и терминов экономической науки.

3. Иностранная экономическая лексика русского языка в представлениях школьной и студенческой молодежи. Анализ заимствований новой экономической терминологии в современном русском языке давно превратился в важное междисциплинарное направление на стыке социолингвистики, экономической теории и филологии [18; 19]. Значительное внимание проблемам отражения экономической жизни в языковой культуре уделяется и в зарубежных исследованиях [20–23]. Самостоятельной проблемой при этом оказывается восприятие данных заимствований в различных возрастных и социальных группах. В таком случае речь идет не только о словоупотреблении, верном понимании слов и терминов, но и практическом их использовании в повседневной жизни. В связи с этим в мае–июне 2020 г. нами было проведено всероссийское социологическое исследование экономической культуры молодежи. Экономическая культура в данном случае понималась нами как совокупность финансово-экономических знаний, ценностей и мотивов хозяйственной деятельности, а также связанных с ними практик экономического поведения. Российские и зарубежные исследователи неоднократно отмечали, что важнейшей стороной экономической культуры является язык и, в частности, экономическая лексика [18; 19; 21].

Исследование было проведено методом интернет-анкетирования при поддержке сети филиалов Финансового университета при Правительстве РФ. В исследовании приняли участие 3 646 школьников и студентов из семи городов (Уфа, Липецк, Омск, Тула, Калуга, Красноярск, Бузулук). Отбор городов был связан со стремлением репрезентировать не только молодежь Центральной России (Липецк, Тула, Калуга), но и Поволжья (Уфа), Южного Урала (Бузулук), Сибири (Красноярск, Омск). В соответствии с данными Росстата, генеральная совокупность составила 1 295 786 чел. В ходе исследования была использована квотная выборка. В качестве основных признаков формирования выборки выступили такие категории, как пол и возраст. Среди принявших участие в исследовании 46 % юношей и 54 % девушек в возрасте от 15 до 34 лет включительно; 63,5 % – учащиеся школ и лицеев, а также студенты начальных курсов неэкономических колледжей и вузов (2 198 чел., возрастная группа 15–19 лет), 36,5 % – студенты старших курсов неэкономических вузов и работающая молодежь (1 468 чел., возрастная группа 20–34 года). Для обработки данных был использован дескриптивный анализ данных и статистический анализ в *MS Excel*. На основе полученных баз данных были составлены частотные таблицы.

Выделение и сравнительный анализ именно этих двух возрастных групп был связан с тем, что школьники и студенты младших курсов вузов и колледжей, как правило, в меньшей степени задействованы в трудовой деятельности и в большей мере взаимодействуют с экономической жизнью через образовательную среду и средства массовой информации. В то же время, несмотря на то, что возрастная группа 20–34 года включает в себя как студентов старших курсов, так и молодых работников, имеет смысл рассматривать их ответы в совокупности в силу того, что студенты старших курсов активно вовлечены в трудовую деятельность и бизнес-среду своих регионов и по экономической активности часто не уступают специалистам, только что окончившим вузы и колледжи.

Одним из важнейших вопросов анкеты был вопрос об источниках экономических и финансовых знаний. Источники получения информации играют ключевое значение для любой возрастной и социальной группы и позво-

ляют лучше понять особенности интерпретации ответов. Несмотря на то, что интересующие нас группы являются близкими в возрастном отношении, их ответы выявили некоторые различия. С одной стороны, в числе наиболее важных источников были указаны сфера образования и Интернет, с другой стороны, представленные возрастные группы различались в отношении других источников. Так, в группе 15–19 лет третью и четвертую позицию среди источников заняли варианты ответов «Общение с друзьями и родственниками» и «Телевидение». Иную иерархию ответов обнаруживаем в возрастной группе 20–34 года, где соответствующие позиции оказались связаны с вариантами ответов «Чтение экономических журналов и книг» и «Общение с друзьями и родственниками». Несмотря на то, что для данной возрастной группы телевидение тоже оказалось значимым источником знаний, не меньшее значение здесь начинает играть собственный опыт бизнеса.

Первый вопрос был связан с известными им иностранными словами и экономическими терминами в русском языке. Респондентам были предложены 24 термина, охватывающие наиболее важные процессы финансово-экономической жизни общества (*менеджмент, хеджирование, маркетинг* и т. п.). Из них респондентам предстояло выделить те, которые были им известны. Как и ожидалось, ответы продемонстрировали популярность целого ряда терминов, наиболее тиражируемых в российских СМИ и часто употребляемых в курсе общественного знания: *менеджмент, маркетинг, кредит, бюджет, инвестиция, инфляция, акция*. Вместе с тем, в отличие от группы школьников и студентов колледжей и младших курсов вузов, группа 20–34 года продемонстрировала значительное преобладание знаний о специальных терминах. Представители этой возрастной группы, в отличие от их младших современников, гораздо чаще отмечали такие термины, как *хеджирование, волатильность, трансферт, координация, фьючерс, диверсификация, рецессия, дефолт, деноминация*. Сравнительный анализ ответов в двух группах показал, что из предложенных трех блоков (термины управления, финансовые термины, термины экономической теории) наименее известны термины, описывающие сферу финансов, в то время как наиболее известными оказались термины сферы управления (рис. 1).

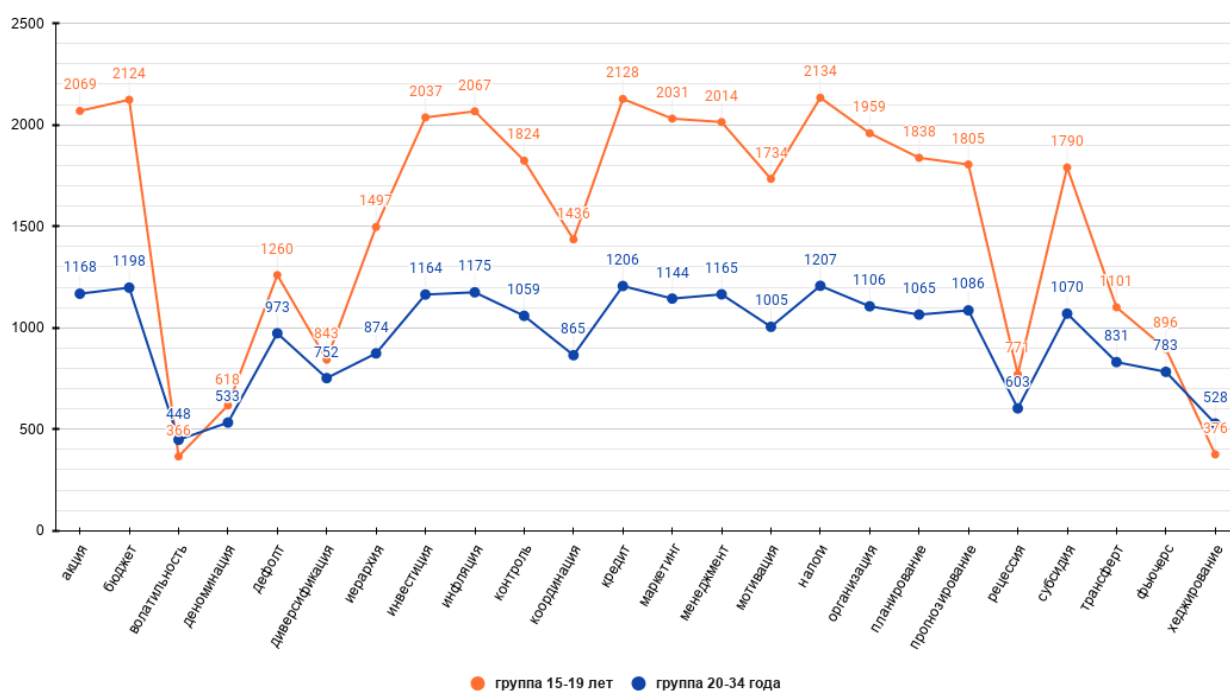

Рис. 1. Известность респондентам экономических терминов

Fig. 1. Distribution of answers to the question about famous words and terms of the economic Russian language in the age groups 15-19 and 20-34 years old

Следующий вопрос предлагал нашим респондентам соотнести три определения и три базовых термина современной экономической науки (*менеджмент*, *кредит*, *риск*). Вопрос не выявил существенных затруднений ни в одной группе, что связано с популярностью данных понятий не только в образовательной, но и, прежде всего, медийной среде. Подавляющее большинство респондентов верно соотнесло определения и понятия. Некоторые трудности наблюдались с определением понятия «кредит», однако процент ответивших неверно не изменил общей картины.

Ряд вопросов интернет-анкеты был связан с выявлением особенностей оценивания молодыми людьми трансформации русского экономического языка в последние десятилетия. В этой связи был задан закрытый вопрос: «Считаете ли Вы важным использовать русские эквиваленты иностранных слов в области экономики и финансов?» – предполагавший положительный и отрицательный варианты ответов. Анализ результатов показал, что чуть больше четверти респондентов в обеих возрастных группах затруднились ответить, в то время как

пятая часть опрошенных высказалась отрицательно (рис. 2).

Однако в данном случае интересно проследить не только общую тенденцию, но и различия, характерные для двух возрастных групп. В частности, 55,2 % в возрастной группе 15–19 лет и 51,7 % в возрастной группе 20–34 года выбрали положительный ответ, отмечая важность использования лексики русского языка в экономической деятельности и повседневной жизни. Вместе с тем результаты ответов по данному вопросу трудно назвать однозначными. С одной стороны, чуть более половины ответов в каждой возрастной группе являлись положительными, с другой стороны, 17,7 % в первой возрастной группе (15–19 лет) и 26,5 % во второй (20–34 года) выбрали отрицательные ответы. Если рассматривать данные отрицательные ответы в совокупности с теми, кто затруднился ответить, то перед нами оказывается та же половина опрошенных, сомневающаяся в возможности введения русских эквивалентов иностранных экономических терминов. Более того, по мере движения к старшей возрастной группе, этот скепсис растет.

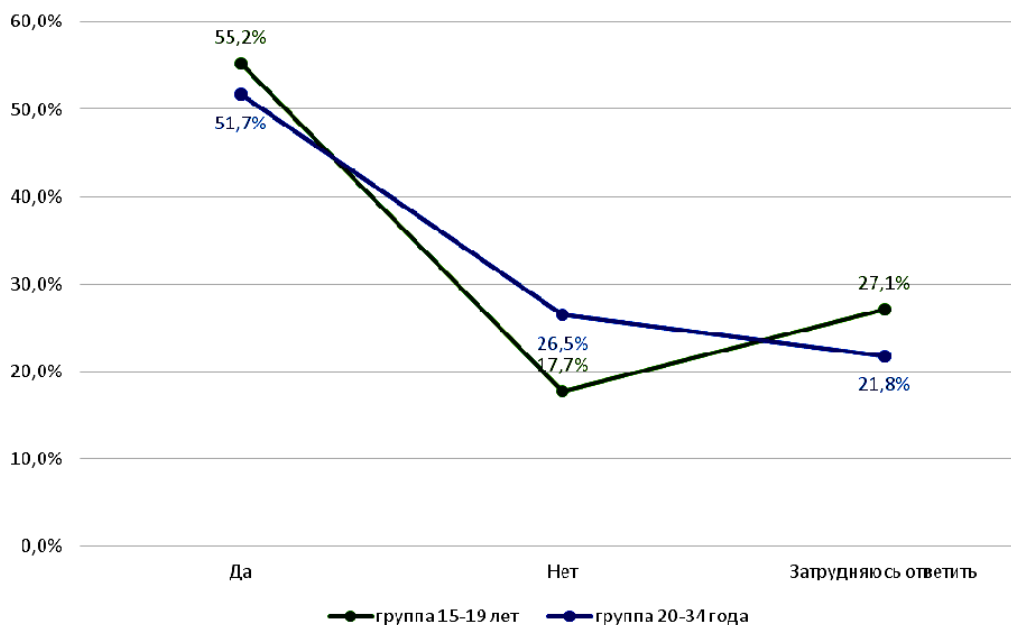

Рис. 2. Оценка респондентами важности использовать русские эквиваленты иностранных слов в области экономики и финансов, %

Fig. 2. Distribution of answers to the question "Do you consider it important to use Russian equivalents of foreign words in the field of economics and finance?" in age groups 15-19 and 20-34, %

Следующий вопрос звучал еще более определенно: «Считаете ли вы необходимым изменить преподавание экономических и финансовых учебных дисциплин в школе, профтехучилищах и вузах с иностранных слов на российские термины и понятия?» Ответы выявили существенные различия в оценках респондентов, несмотря на то, что обе группы опрошенных в возрастном отношении близки друг к другу. Так, если в первой возрастной группе (15–19 лет) только 9,7 % выбрали ответ, указывающий на то, что введение русских эквивалентов необходимо предпринять как можно скорее, то в следующей возрастной группе (20–34 года) этот вариант ответа выбрали уже 12,5 % опрошенных. Наиболее популярным в обеих возрастных группах был ответ, отсылающий к осторожной оценке и указывавший, что подобная практика возможна лишь там, где это действительно необходимо (41,4 и 36,4 % соответственно). Не видят смысла изменять иностранные экономические термины на их русские эквиваленты 11,4 % в первой группе и 12,3 % во второй. Однако наиболее интересными оказались результаты избравших ответ о том, что подобное делать не надо в силу того, что мировая экономика давно уже работает с английским и немецкими терминами. Говоря другими словами, выбор такого ответа, по сути,

означал принятие глобализационных тенденций и гегемонии английского языка как свершившегося факта. Примечательно, что в возрастной группе 15–19 лет количество таких ответов составило чуть более четверти (25,5 %) от общего числа, в то время как в возрастной группе 20–34 года число таких ответов составило почти треть (29,1 %). Таким образом, была вновь выявлена тенденция роста скептической настроенности российской молодежи в отношении возможностей адекватного использования русских эквивалентов иностранных экономических терминов. И тенденция эта была вновь выявлена в возрастной группе 20–34 года. Данный факт представляется вполне объяснимым, если учитывать, что студенты старших курсов и работающая молодежь, как правило, в полной мере включаются в трудовую деятельность или пробуют себя в бизнесе, что в меньшей степени актуализирует вопрос о русских эквивалентах иностранной экономической лексики. Более того, современная российская молодежь, как и ее сверстники за границей, в большей степени, чем старшие возрастные группы, ориентированы на международный рынок труда.

Отдельный блок вопросов анкеты был посвящен практическим навыкам использования имеющихся экономических знаний. Среди

них для целей данной статьи имеют значение два вопроса об обстоятельствах использования профессиональной экономической лексики. Первый вопрос был связан с частотой использования экономических терминов. Наиболее популярным ответом в возрастной группе 15–19 лет стал вариант «Не менее одного раза в неделю» (32,8 %), в то время как 17,8 % указали, что используют эти термины ежедневно. Показательно также, что пятая часть опрошенных отметила, что использует понятия и термины крайне редко (20,6 %). Несколько иная ситуация наблюдалась во второй возрастной группе опрошенных. Здесь чуть менее половины указали, что используют термины не менее одного раза в неделю (40,7 %), однако почти треть опрошенных заявила, что использует тер-

мины ежедневно (31,2 %). В отличие от первой возрастной группы вариант «Крайне редко» здесь выбрали всего 11 % опрошенных. Вторым вопросом был связан с теми ситуациями, в которых молодые люди используют знакомые им экономические термины. Наиболее популярным ответом в младшей возрастной группе стал ответ, указывающий на ситуации посещения банков и иных финансовых учреждений. Вторым по популярности стал вариант «На работе». Показательно, что третье место среди полученных ответов заняла позиция «Затрудняюсь ответить» (рис. 3). В данном случае распределение ответов объясняется возрастом учащихся и их слабой вовлеченностью в трудовую деятельность.

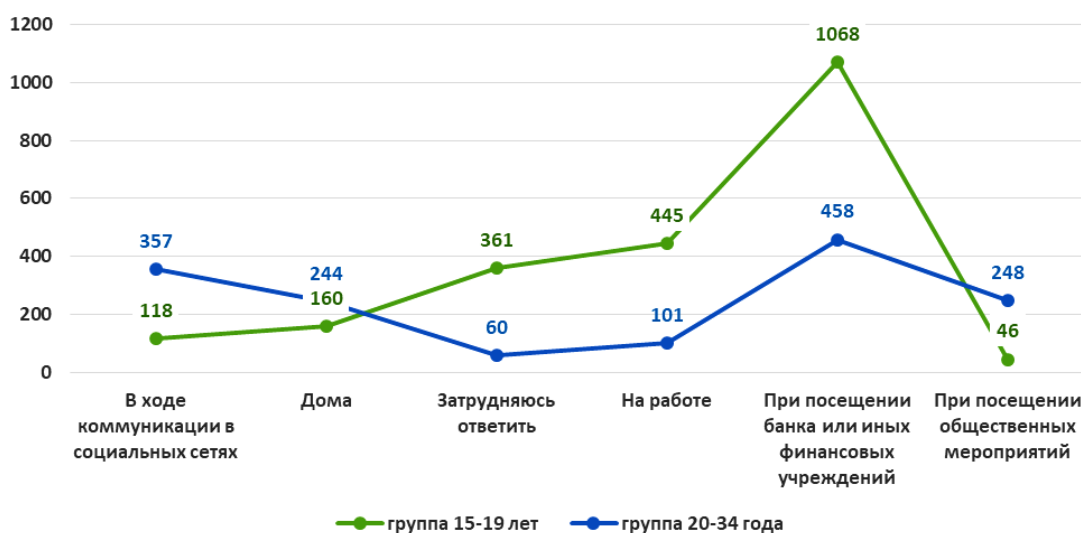

Рис. 3. Оценка респондентами ситуаций, в которых они чаще используют финансово-экономические слова и термины

Fig. 3. Distribution of answers to the question "In what situations do you often use financial and economic words and terms?" in the age groups 15-19 and 20-34 years old

Несколько иным было распределение на тот же вопрос в старшей возрастной группе (20–34 года). Несмотря на то, что молодые люди в данной возрастной группе меньше сталкиваются с экономическими терминами на работе, ответы выявили важную роль данных терминов практически во всех повседневных ситуациях, включая труд. Это свидетельствует о широком использовании экономической лексики в различных жизненных ситуациях. Несмотря на то, что доминирующим ответом, как и в предыдущей группе, оказался ответ, связанный с банками и финансовыми учреждениями, в возрастной группе 20–34 года была выявлена

важная роль обращения к экономической лексике в социальных сетях, общественных мероприятиях, а также дома.

Таким образом, представленные выше результаты исследования позволяют нам сделать ряд предварительных выводов относительно особенностей языковой культуры российской молодежи и их понимания особенностей сложившейся языковой ситуации в контексте экономической жизни современной России. Было выявлено, что важнейшими источниками экономических знаний для российской молодежи продолжают оставаться сфера образования и Интернет. При этом в старшей возрастной груп-

пе (20–34 года) возрастает роль научной и научно-популярной экономической литературы, а также снижается роль телевидения. Результаты исследования показывают, что финансовые термины являются наименее известными для молодежи, в то время как терминология сферы управления достаточно хорошо знакома нашим респондентам. Поскольку опрос производился среди студентов неэкономических специальностей, то данный результат можно объяснить влиянием в первую очередь средств массовой информации, много внимания уделяющим именно управленческой тематике. Обобщая данные по возрастным группам (15–19 лет и 20–34 года), можно указать на то, что российская молодежь положительно оценивает важность использования русских эквивалентов иностранных экономических терминов. При этом результаты обработки интернет-анкетирования показали, что число скептиков в отношении такой возможности составляет чуть менее половины, и оно растет по мере движения от младшей возрастной группы к старшей. На наш взгляд, это напрямую связано с уменьшением роли телевидения и ростом собственного опыта экономической деятельности молодежи, а также расширением ее контактов в первую очередь с современным рынком труда. Вполне ожидаемым было также зафиксировать факт роста экономических знаний молодежи в зависимости от возрастных особенностей респондентов. Не менее важно, что российская молодежь по мере взросления расширяет число повседневных жизненных ситуаций, в которых она использует экономическую лексику, которая становится для нее элементом коммуникации и осознанного использования, а не только внешним требованием при посещении финансовых учреждений или выполнения трудовых обязанностей.

4. Заключение. Исследования языковой среды в России последних лет показывают, что языковая культура нашей страны подвергается существенной трансформации под воздействием как внешнеэкономических факторов и тенденций, так и внутренних социально-экономических проблем и вызванных ими новых явлений культуры. Ответом на данную трансформацию выступает языковая политика, трудности которой могут быть описаны в контексте базовых рисков, стоящих перед ней. Системный характер данных рисков, а также постфундаменталистская интерпретация по-

литической философии позволили нам выделить и классифицировать внешние и внутренние риски языковой политики, а также говорить о внутренних рисках языковой политики не только в аспекте государственной политики (уровень *policy*), но и в аспекте общественной активности и инициативы (уровень *political*). Ключевой проблемой управления внешними рисками языковой политики России является недостаточная определенность функциональной роли русского языка в современном мире. Ключевой проблемой управления внутренними рисками является смена акцента языковой политики с консервации языковой ситуации («защита и сохранение русского языка») на понимание языковой политики как направленной на увеличение экономического благосостояния человека, снижение языковых барьеров как экономических барьеров, блокирующих гражданам, сообществам и организациям доступ на рынки труда, инновационных технологий, доступ к благам и ресурсам. Фундаментальная проблема российской языковой политики в этой связи лежит в абсолютизации роли государства и его политики и недостаточном внимании к негосударственным акторам, общественным организациям, сообществам и социальным группам как субъектам языковой политики. Это подтвердило гипотезу нашего исследования и потребовало обращения к языковой культуре молодежи, которая отражает общую противоречивость современной российской языковой политики. Нас интересовали состояние и особенности языковой культуры молодежи, исследование которой было предпринято нами в аспекте отношения и интерпретации молодежью иностранной экономической лексики в русском языке. Было выявлено, что российская молодежь, с одной стороны, демонстрирует положительное отношение к возможности поиска и внедрения русских эквивалентов иностранных экономических терминов и понятий, а с другой стороны – рост скептического отношения к этому по мере взросления молодых людей и включения их в трудовую деятельность и бизнес. Вместе с тем было выявлено важное значение образовательной сферы и средств массовой информации как медиумов трансформации языковой культуры, что актуализирует возможности их использования в процессе развития экономической культуры молодежи как фактора управления рисками языковой политики в России.

Примечания

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета по русскому языку. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918/print>.

² Там же.

³ Цит. по: Пальвелева Л. «Вы большой ученый». Зачем Путину комиссия по русскому языку? URL: <https://www.svoboda.org/a/30778150.html>.

Литература

1. Мухарьямов Н. М., Януш О. Б., Шакурова Г. З. О некоторых дискурсивных аспектах языковой политики в российских регионах // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 4. – С. 56–66. – DOI: 10.21672/1818-510X-2019-61-4-056-066.
2. Тишков В. А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 127–144.
3. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтничном государстве : сб. тр. конф. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2018. – С. 24–33.
4. Хабенская Е. О. Русский язык в Грузии: судьба в XXI веке // Инновации в образовании. – 2019. – № 9. – С. 71–86.
5. Кондратенко Л. И., Насрокин Х. Н. Внешняя языковая политика Российской Федерации и Федеральная целевая программа «Русский язык» // Государство и общество в современной политике : сб. науч. ст. по результатам 7-й междунар. науч.-практ. конф. – М. : Наука и просвещение, 2019. – С. 87–92.
6. Кадочников Д. В. Цели и задачи языковой политики и проблемы социально-экономического развития России // Terra Economicus. – 2019. – Т. 17, № 1. – С. 96–111. – DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-96-111.
7. Юдина Н. В., Кузнецова Е. А. Языковая политика VS экономическая политика современной России: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13, вып. 3. – С. 402–415.
8. Соколовский С. В. Языковая политика: субъекты, коллизии, риски // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 3. – С. 5–6.
9. Морева Ю. Е. Конфликтогенные аспекты языковой политики Российской Федерации // Устойчивое развитие науки и образования. – 2019. – № 3. – С. 158–161.
10. Соколовский С. В. Языковая политика как фактор национальной безопасности // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 3. – С. 46–56.
11. Ромашова И. П. Языковая политика отечественных корпораций: уровень словоупотребления // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 2. – С. 8–15.
12. Кадочников Д. В. Теоретико-экономический взгляд на языковую политику // Вопросы экономики. – 2016. – № 2. – С. 128–140.
13. Малахов В. С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России : рабочая тетрадь. – М. : Спецкнига, 2014. – 24 с.
14. Бутаева К., Вебер Ш., Давыдов Д. Язык, культура, миграция, конфликты: экономическая проекция // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2016. – № 1. – С. 3–21.
15. Молчанова М. А. Терминологическое пространство области «языковая политика» // Прикладная лингвистика. Терминоведение : сб. науч. ст. – М. : МГПУ, 2013. – С. 36–44.
16. Растегаева Н. А. Языковая культура: понятие и аспекты содержания // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – № 1 (29). – С. 99–101.
17. Русский язык : энцикл. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая рос. энцикл. : Дрофа, 1997. – 721 с.
18. Денисова Э. С., Махракова М. И. Деривационные возможности новой экономической терминологии в современном русском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 138–143.
19. Одонтуя Л. Новые русские экономические термины в системно-контрастивном рассмотрении : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 184 с.
20. Ginsburgh V., Weber S., Weyers S. The economics of literary translation: Some theory and evidence // Poetics. – 2011. – № 39. – P. 228–246.

21. Ginsburgh V., Weber S. Culture, Languages, and Economics // Handbook of the Economics of Art and Culture / Eds. V. Ginsburgh, D. Throsby. – New York : Elsevier, 2014. – P. 507–539.
22. Smith A. Dynamic Models of Language Evolution: The Linguistic Perspective // The Palgrave Handbook of Economics and Language / Eds. V. Ginsburgh, S. Weber. – London : Palgrave Macmillan, 2016. – P. 61–100.
23. Marschak J. The Economics of Language // Behavioral Science. – 1965. – № 10. – P. 135–140.

References

1. Mukharyamov N.M., Yanush O.B., Shakurova G.Z. About some discursive aspects of language policy in the Russian regions. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, 2019, no. 4, pp. 56–66. DOI: 10.21672/1818-510X-2019-61-4-056-066. (in Russian).
2. Tishkov V.A. Language Situation and Language Policy in Russia (Revising Categories and Practices). *Political Studies*, 2019, no. 3, pp. 127–144. (in Russian).
3. Alpatov V.M. Yazykovaya politika v sovremennom mire [Language policy in the modern world], in: *Yazykovoie edinstvo i yazykovoie raznoobrazie v politnicheskom gosudarstve*, collection of works of the conference, Moscow, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences publ., 2018, pp. 24–33. (in Russian).
4. Khabenskaya E.O. Russkii yazyk v Gruzii: sud'ba v XXI veke [Russian language in Georgia: fate in the XXI century]. *Innovatsii v obrazovanii*, 2019, no. 9, pp. 71–86. (in Russian).
5. Kondratenko L.I., Nasrokin Kh.N. Vneshnyaya yazykovaya politika Rossiiskoi Federatsii i Federal'naya tselevaya programma "Russkii yazyk" [Foreign language policy of the Russian Federation and the Federal Target Program "Russian Language"], in: *Gosudarstvo i obshchestvo v sovremennoi politike*, collection of scientific articles on the results of the 7th international scientific and practical conference, Moscow, Nauka publ., Prosveshchenie publ., 2019, pp. 87–92. (in Russian).
6. Kadochnikov D.V. Goals and objectives of language policy and problems of socio-economic development of Russia. *Terra Economicus*, 2019, no. 17, pp. 96–111. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-96-111. (in Russian).
7. Yudina N.V., Kuznetsova E.A. Language policy vs. economic policy of modern Russia: problems and prospects. *National Interests: Priorities and Security*, 2017, Vol. 13, iss. 3, pp. 402–415. (in Russian).
8. Sokolovskiy S.V. Language Policy: Subjects, Collisions, Risks. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 3, pp. 5–6. (in Russian).
9. Moreva Yu.E. Konfliktogennyye aspekty yazykovoi politiki Rossiiskoi Federatsii [Conflict-related aspects of the language policy of the Russian Federation]. *Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniya*, 2019, no. 3, pp. 158–161. (in Russian).
10. Sokolovskiy S.V. Language Policy as a National Security Factor. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 3, pp. 46–56. (in Russian).
11. Romashova I.P. Yazykovaya politika otechestvennykh korporatsii: uroven' slovopotrebleniya [Language policy of domestic corporations: the level of word usage]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2016, no. 2, pp. 8–15. (in Russian).
12. Kadochnikov D.V. Language policy: An economics perspective. *Voprosy ekonomiki*, 2016, no. 2, pp. 128–140. (in Russian).
13. Malakhov V.S. *Integratsiya migrantov: evropeiskii opyt i perspektivy Rossii* [Integration of Migrants: European Experience and Prospects for Russia], Workbook. Moscow, Spetskniga publ., 2014. 24 p. (in Russian).
14. Butaeva K., Veber Sh., Davydov D. Language, culture, migration and conflicts: projection into economic field. *Moscow University Economics Bulletin*, 2016, no. 1, pp. 3–21. (in Russian).
15. Molchanova M.A. Terminologicheskoe prostranstvo oblasti "yazykovaya politika" [The terminological space of the "language policy" area], in: *Prikladnaya lingvistika. Terminovedenie*, collection of scientific articles, Moscow, MSPU publ., 2013, pp. 36–44. (in Russian).
16. Rastegaeva N.A. Yazykovaya kul'tura: ponyatie i aspekty sodержaniya [Language culture: concept and aspects of content]. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*, 2012, no. 1, pp. 99–101. (in Russian).
17. Karaulov Yu.N. (ed.) *Russkii yazyk* [Russian language], Encyclopedia, 2nd ed. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya publ., Drofa publ., 1997. 721 p. (in Russian).

18. Denisova E.S., Makhrakova M.I. Derivatsionnye vozmozhnosti novoi ekonomicheskoi terminologii v sovremennom rusском yazyke [Derivational possibilities of new economic terminology in modern Russian]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2012, no. 1, pp. 138-143. (in Russian).

19. Odontuyaa L. *Novye russkie ekonomicheskie terminy v sistemno-kontrastivnom rassmotrenii* [New Russian economic terms in a systemic-contrastive consideration], PhD Thesis. Moscow, 2003. 184 p. (in Russian).

20. Ginsburgh V., Weber S., Weyers S. The economics of literary translation: Some theory and evidence. *Poetics*, 2011, Vol. 39, pp. 228-246.

21. Ginsburgh V., Weber S. Culture, Languages, and Economics, in: Ginsburgh V., Throsby D. (eds.) *Handbook of the Economics of Art and Culture*, New York, Elsevier publ., 2014, pp. 507-539.

22. Smith A. Dynamic Models of Language Evolution: The Linguistic Perspective, in: Ginsburgh V., Weber S. (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*, London, Palgrave Macmillan publ., 2016, pp. 61-100.

23. Marschak J. The Economics of Language. *Behavioral Science*, 1965, no. 10, pp. 135-140.

Сведения об авторах

Смыслова Ольга Юрьевна – д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры «Экономика, менеджмент и маркетинг»

Адрес для корреспонденции: 398050, Россия, Липецк, ул. Интернациональная, 12б

E-mail: savenkova-olga@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 635325; SPIN-код: 9388-0292

Линченко Андрей Александрович – канд. филос. наук, доцент, научный сотрудник

Адрес для корреспонденции: 398050, Россия, Липецк, ул. Интернациональная, 12б

E-mail: linchenko1@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 497277; SPIN-код: 2501-3469

Лакомова Дарья Валентиновна – студент

Адрес для корреспонденции: 398050, Россия, Липецк, ул. Интернациональная, 12б

E-mail: sunny.lak@bk.ru

Вклад авторов

Смыслова О.Ю. – постановка проблемы и обзор литературы, заключение

Линченко А.А. – раздел «Риски языковой политики как институциональной основы экономической политики в Российской Федерации – экономических преобразований», заключение

Лакомова Д.В. – раздел «Иностранная экономическая лексика русского языка и экономическое сознание молодежи»

Для цитирования

Смыслова О. Ю., Линченко А. А., Лакомова Д. В. Экономические риски языковой политики и языковая культура молодежи // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2020. – Т. 18, № 3. – С. 136–150. – DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(3).136-150.

About the authors

Olga Yu. Smyslova – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department "Economics, Management and Marketing"

Postall address: 12b, Internatsional'naya ul., Lipetsk, 398050, Russia

E-mail: savenkova-olga@mail.ru

RSCI AuthorID: 635325; SPIN-code: 9388-0292

Andrei A. Linchenko – Ph.D., Associate Professor, researcher

Postall address: 12b, Internatsional'naya ul., Lipetsk, 398050, Russia

E-mail: linchenko1@mail.ru

RSCI AuthorID: 497277; SPIN-code: 2501-3469

Daria V. Lakomova – student

Postall address: 12b, Internatsional'naya ul., Lipetsk, 398050, Russia

E-mail: sunny.lak@bk.ru

Authors' contributions

Smyslova O.Yu. – problem statement and literature review; conclusion

Linchenko A.A. – section "Risks of language policy as an institutional basis for economic policy in the Russian Federation and economic transformations", conclusion

Lakomova D.V. – section "Foreign economic vocabulary of the Russian language and economic consciousness of young people"

For citations

Smyslova O.Yu., Linchenko A.A., Lakomova D.V. Economic risks of language policy and language culture of youth in Russia. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2020, Vol. 18, no. 3, pp. 136-150. DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(3).136-150. (in Russian).